

ГИЛБЕРТ КИЙТ ЧЕСТЕРТОН

Возвращение Дон Кихота

ФТМ

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)
Ч51

GILBERT KEITH CHESTERTON
The Return of Don Quixote
1927

Перевела с английского Н. Трауберг

Честертон Г. К.

Ч51 Возвращение Дон Кихота : [роман] / Гилберт Кийт Честертон ; [пер. с англ. Н. Трауберг]. — М.: «Т8 Издательские Технологии» / «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020. — 158 с. — (Серия «Мировая классика»).

ISBN 978-5-521-74395-7

Роман классика английской литературы XX века Г. К. Честертон (1874–1936) в сюрреалистическом духе и с истинно британским юмором повествует о комико-героических приключениях сэра Дугласа Мэррела и его верного оруженосца. Театральная постановка и путешествие за красной краской приводят к революции в масштабах королевства.

**УДК 82/89
ББК 84(4Вл)**

© Трауберг Н. Л., наследники,
перевод на русский язык, 2020
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020

ISBN 978-5-521-74395-7

Глава I

ВЫРОДОК

Зала Сивудского аббатства была залита солнцем, ибо стены ее являли почти сплошной ряд окон, выходящих в сад, уступами спускающийся к парку и освещенный чистым утренним светом. Оливия Эшли и Дуглас Мэррел, почему-то прозванный Мартышкой, спешили использовать свет для живописи, она — для очень мелкой, он — для размашистой. Оливия тщательно выписывала нежные тона, подражая заставкам старинных книг, которые очень любила, как и вообще любила старину, хотя представляла ее себе довольно смутно. Мэррел, верный современности, обмакивал в ведра с яркими красками огромные, как швабра, кисти и ударял ими по холсту, которому предстояло стать задником любительского спектакля. Ни он, ни она рисовать не умели, и знали это, но она хотя бы старалась, а он — нет.

— Вот вы говорите, диссонансы, — рассуждал Мэррел почти виновато, ибо Оливия не отличалась благодушием. — А ваша манера сужает кругозор. В конце концов, задник — та же заставка под микроскопом.

— Ненавижу микроскопы, — отрезала Оливия.

— Однако вам без них не обойтись, — возразил Мэррел. — Для такой мелкой работы вставляют в глаз лупу. Надеюсь, вы до этого не дойдете. Лупа вам не к лицу.

С этим трудно было спорить. Оливия Эшли была хрупкой девушкой с тонким лицом, а изысканное изящество ее зеленого платья отвечало кропотливой строгости занятий. Несмотря на свою молодость, она немного напоминала старую деву. Рядом с Мэррелом валялись тряпки, клочки бумаги и ослепительные образцы неудач, но ее краски и кисточки были разложены в идеальном порядке.

Не для нее вкладывали наставления в коробки с акварелью, и не ей приходилось говорить, что кисточку не суют в рот.

— Вы меня не поняли, — сказала она. — Вся ваша наука, весь этот нынешний стиль уродуют и людей, и вещи. Смотреть в микроскоп — все равно что смотреть в сточную яму. Я вообще не хочу смотреть вниз, оттого я и люблю готику. Там все линии стремятся ввысь и указывают на небо.

— Указывать невежливо, — сказал Мэррел. — И потом, могли бы положиться на нас, небо и так видно.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, — отвечала Оливия, трудясь над рисунком. — Самая суть средневековых людей выразилась в их соборах, в острых сводах.

— И в острых копьях, — кивнул Мэррел. — Если вы что-нибудь делали не так, вас протыкали насквозь. Чересчур остро на мой вкус. Острее остроты.

— Они сами кололи друг друга, — возразила Оливия. — Они не сидели в креслах, пока ирландец бьет чернокожего. Ни за что не пошла бы на бокс! А дамой на турнире стала бы...

— Вы были бы дамой, но я не был бы рыцарем, — печально сказал Мэррел. — Не судьба. Родись я королем, меня утопили бы в бочке. Нет, я родился бы крепостным, или как их там... А может, прокаженным... В общем, кем-нибудь таким, средневековым. Только бы я сунулся в тринадцатый век, меня приставили бы главным прокаженным к королю, и я глядел бы в церковь через такое окошечко, как на вашей картинке.

— Сейчас вы туда вообще не заглядываете, — заметила Оливия.

— Предоставляю это вам, — сказал он и окунул кисть в краску. Писал он тронный зал Ричарда I, используя для этого, к ужасу Оливии, лиловые, багровые и малиновые тона. Ужасаться она была вправе, ибо сама выбрала сюжет и написала пьесу, хотя ее и сбивали более бойкие помощники. Речь в этой пьесе шла о трубадуре, который пел

песни и Львиному Сердцу, и многим другим, включая дочь здешнего сеньора, увлекавшуюся любительским театром. Высокородный Дуглас Мэррел легко относился к нынешним неудачам, поскольку проваливался и на других поприщах. Знал он очень много, не преуспел ни в чем. Особенно не повезло ему в политике. Когда-то его прочили в лидеры какой-то партии, но в решительный момент он не уловил связи между налогом на лесные заповедники и применением в Индии карабинов старого образца, вследствие чего племянник эльзасского ростовщика, яснее представлявший себе, в чем дело, его обошел. С тех пор он выказывал любовь к дурному обществу, которая спасла столько аристократов от беды, а нашу страну — от гибели. Любовь эта отразилась на его одежде и манерах — он стал небрежным и грубоватым, словно нерадивый конюх. Его светлые волосы начинали седеть, но он был еще молод, хотя и намного старше своей собеседницы. Лицо его — простое, но не обыденное — почти всегда казалось печальным, и это было смешно, особенно — в сочетании с галстуками, почти такими же яркими, как его краски.

— У меня негритянский вкус, — сообщил он, делая огромный багровый мазок. — Смешанные и серые тона, которые так ценят мистики, наводят на меня их любимую тоску. Вот, говорят, что надо возродить все кельтское. А почему не эфиопское? В банджо больше того-сего, чем в старинной лютне. Какой исторический деятель сравнится с Туссеном Лувертюром или Букером Вашингтоном? Какой литературный герой — с дядей Томом и дядюшкой Римусом? Франты хоть завтра станут чернить себе лица, как пудрили когда-то волосы. Да, я начинаю видеть смысл в моей растроченной жизни. Мое призвание — негритянский оркестр на пляже. В пошлости столько хорошего... Как вы думаете?

Оливия не отвечала, словно и не слышала. Она бывала язвительной, но когда становилась серьезной, лицо ее казалось совсем детским. Тонкий профиль и полуоткрытые

губы напоминали не просто ребенка, а заблудившуюся сиротку.

— Я помню негра на старинном рисунке, — наконец проговорила она. — Волхва в золотой короне. Сам он был черен, но одежда его горела как пламя. Видите, и с негром, и с яркими цветами не так уж все просто. Такой краски больше нет, хотя я помню людей, пытавшихся ее сделать. Секрет утерян, как секрет цветного стекла. И золото уже не то. Вчера в библиотеке я видела старый требник. Вы знаете, что тогда писали золотом Божье имя? Теперь золотили бы только слово «золото».

После этой речи оба они молчали и работали, пока где-то в коридорах не раздался властный и громкий крик: «Мартышка!» Мэррел кротко терпел это прозвище, но его немного коробило, когда так выражался Джулиан Арчер. Дело было не в зависти, хотя Арчер, не в пример ему, повсюду преуспевал. Между простотой и грубостью есть тонкая грань, которую чувствуют люди вроде Мэррела при всем их негритянском вкусе. В Оксфорде Мэррел выбрасывал в окошко только близких друзей.

Джулиан Арчер был одним из тех, кто поспевает всюду и почему-то всюду нужен. Он не был глуп, никого не обманывал, не лез вперед и оправдывал доверие, когда ему буквально навязывали какое-нибудь дело. Но люди потоньше не могли понять, почему обращались к нему, а не к другому. Когда журнал устраивал дискуссию на тему «Можно ли есть мясо?», высказаться просили Бернарда Шоу, доктора Сэлиби, лорда Даусона и Джулиана Арчера. Когда обсуждали проект национального театра или памятника Шекспиру, речи говорили Виола Три, сэр Артур Пинеро, Каминс Кэrr и Джулиан Арчер. Когда выпускали сборник статей о загробной жизни, в нем выражали свое мнение сэр Оливер Лодж, Мэри Корелли, Джозеф Маккейб и Джулиан Арчер. Он был членом парламента и многих других клубов. Он написал исторический роман, он считался блестящим актером, так что именно ему и полагалось играть главную роль в пьесе «Трубадур

Блондель». В том, что он делал, не было ничего дурного или странного. Его книга о битве при Азенкуре была вполне хороша, если рассматривать ее как современную историческую повесть, то есть как приключения школьника на маскараде. И мясо, и бессмертие души он снисходительно допускал. Но свои умеренные мнения он высказывал громко и властно, тем звучным голосом, который сейчас гудел в коридоре. Он был из тех, кто способен выдержать молчание, повисшее после сказанной вслух глупости. Зычный голос повсюду предшествовал ему, как и доброе имя, и фотографии в газетах, запечатлевшие темные кудри и смелое, красивое лицо. Мисс Эшли как-то сказала, что он похож на тенора. Мэррел заметил на это, что голос у него погуще.

Джулиан Арчер появился в виде трубадура, если не считать телеграммы, которую он держал. Он репетировал и раскраснелся от воодушевления; хотя телеграмма, по видимому, несколько сбила его.

— Нет, вы подумайте, — сказал он. — Брейнтри не хочет играть.

— Что ж, — сказал Мэррел, продолжая трудиться. — Я и не думал, что он захочет.

— Конечно, глупо обращаться к такому типу, — сказал Арчер, — но больше никого нет. Я говорил Сивуду, глупо это затевать, когда все разъехались. Брейнтри просто знакомый... Не пойму, как он и этого добился.

— По ошибке, я думаю, — сказал Мэррел. — Сивуд слышал, что он представляет в парламенте какие-то союзы, и позвал его. Когда обнаружилось, что Брейнтри представляет профсоюзы, он удивился, но не поднимать же скандала. Вероятно, он и сам толком не знает, что это такое.

— А вы знаете? — спросила Оливия.

— Этого не знает никто, — отвечал Мэррел. — А какие-то союзы я сам когда-то представлял.

— Я бы не стал отворачиваться от человека за то, что он социалист, — возгласил свободомыслящий Арчер. —

Ведь были же... — И он замолк, пытаясь припомнить примеры.

— Он не социалист, — бесстрастно уточнил Мэррел. — Он из себя выходит, когда его назовут социалистом. Он синдикалист.

— А это еще хуже? — простодушно спросила Оливия.

— Все мы интересуемся социальными вопросами и хотим, чтобы жизнь стала лучше, — туманно сказал Арчер. — Но нельзя защищать человека, который натравливает класс на класс, толкует о ручном труде и всяких немислимых утопиях. Я лично считаю, что капитал накладывает обязанности, хотя и дает...

— Ну, — перебил его Мэррел, — тут у меня свое мнение. Посмотрите, я работаю руками.

— Во всяком случае, играть он не будет, — повторил Арчер. — Надо кого-нибудь найти. Роль маленькая, второй трубадур, с ней всякий справится, только бы он был молод. Потому я и подумал о Брейнтри.

— Да, он еще молод, — сказал Мэррел, — и с ним много молодых.

— Ненавижу их всех, — с неожиданным пылом сказала Оливия. — Прежде жаловались, что молодые бунтуют потому, что они романтики. А эти бунтуют потому, что они циники — пошлые, прозаичные, помешанные на технике и деньгах. Хотят создать мир атеистов, а создадут стадо обезьян.

Мэррел помолчал, потом прошел в другой конец залы, к телефону, и набрал какой-то номер. Начался один из тех разговоров, слушая которые ощущаешь себя в полном смысле этого слова полоумным; но сейчас все было ясно из контекста.

— Это вы, Джек? — Да, знаю. Потому и звоню. — Да, да, в Сивуде. — Не могу, вымазался, как индеец. — А, ничего, вы же придете по делу. — Ну, конечно... Какой вы, честное слово... — Да при чем тут принципы? — Я вас не съем, даже не выкрашу. — Ладно.

Он повесил трубку и, насивистывая, вернулся к творчеству.

— Вы знакомы с Брейнтри? — удивилась Оливия.